

М.ВЕЛЛЕР

М.ВЕЛЛЕР

ЕВРЕЙСКАЯ НОТА

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.

В27 Еврейская нота / Михаил Веллер. — Москва :
Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — (Книги Михаила
Веллера).

ISBN 978-5-17-151362-7

Новая книга Михаила Веллера — откровение на вечную и острую еврейскую тему. «Еврейская нота» содержит как биографические наблюдения и философский анализ, так и ироническую беллетристику. В книгу автора включен также ряд ранее опубликованных знаменитых произведений.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Содержание

СОЛО НЕВИДИМОЙ СТРУНЫ 7

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Пролог

Желтые звезды 96

Часть первая

Глава 1. Пророк, бутылка и пустота 116

Глава 2. Политика и любовь — одна страсть 117

Глава 3. Евреи и революция 118

Глава 4. Евреи — катализатор конца света 125

Глава 5. Евреи как идея 128

Часть вторая

Глава 6. Донос 136

Глава 7. Погром — четыре карты 137

Глава 8. Пароход 146

Глава 9. Зал славы 148

Глава 10. Сон разума 154

Эпилог

Глава 11. Гангстер и провокатор 156

Глава 12. Темные века 160

АВАНГАРД

Евреи как авангард самоубийства цивилизации . . . 192

Заговор сионских мудрецов 254

Еврейская угроза 264

ЛЕГЕНДЫ

Легенда о фарцовщике Фиме Бляйшице 280

Океан 307

Легенда о Моше Даяне 312

Американист 329

Рыжик 338

Пятикнижие 348

Мон женераль 363

**СОЛО
НЕВИДИМОЙ
СТРУНЫ**

1. Открытие

Во втором классе я узнал, что я еврей. Это было сильное впечатление.

Совершенно понятно, что в военных гарнизонах, да в первое послевоенное десятилетие, все были русские. Особенно дети. Были — они: враги, немцы, фашисты. И были — мы: русские. Советские, разумеется. Но русские. Тем более офицерские дети. Дети победителей.

Мы играли в войну. (Пошлого унижительного слова «войнушка» у нас просто не было.) И русские побеждали немцев.

Мы рисовали войну. Много красивых зеленых танков с красными звездами. И один черный, уродливый, со свастикой: горит. Или много красивых голубых самолетов. С красными звездами. А один — черный, кривой, уродливый, со свастикой: горит.

Наши отцы ходили в форме, с погонами и наградными планками. Главными праздниками были 7 Ноября, 1 Мая и 23 Февраля — не считая Нового Года, конечно. Паяк был у всех одинаковый, и зарплаты в общем одинаковые, и жилье примерно одинаковое. И одинаковая казенная («кэчевская»: КЭЧ — коммунально-эксплуатационная часть) мебель из досок и фанеры.

Так что про национальность мы понимали правильно. Никаких церквей, молитв, крестиков и прочего опiums для народов прошлого никто и представить себе не мог. А фамилии Фомин, Хомула, Кукуй, Дригалович или Лапида никаких мыслей не вызывали: фамилия — она и есть фамилия.

А потом мы пошли в школу, научились читать и писать, и мир начал усложняться.

И вот Первое сентября, и грамотные мы идем во второй класс. И учительница, задав нам что-то читать и решать, переписывает всех учеников в классный журнал. А нас человек сорок пять — время было такое. Не дописала всех она до звонка. И вышла на перемену. А журнал остался на столе.

И грамотные мы кучей побежали читать, что она там понаписала про нас. Фамилия, имя, год рождения, адрес, телефон (их почти ни у кого не было, конечно). И национальность.

Графа национальность была заполнена очень однообразно. Или единообразно, как хотите. Разница только в окончании мужского или женского рода: русский — русская. И только против моей фамилии стояла какая-то фигня...

Очкастый, но здоровый Валера Маркин поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

— Все — русские. Один Миша... — он запнулся и сделал паузу, подбирая тактичное слово: — нерусский.

То есть он хотел показать, что нормально ко мне относятся и обижать не хочет: зачем же так сразу, при всех, ни с того ни с сего говорить в лицо человеку: «Еврей».

Я все осознавал написанное слово «еврей», и мне было не по себе. Голова кружилась и звуки отдалились.

Что-то в слове «еврей» было ужасное. Хотелось и казалось, что, может быть, это неправда. И уже было понятно, что раз в классном журнале, то написана правда.

— Что за ерунда! — с усиленной искренностью закричал я. — Откуда она это взяла?! Вранье, вы что. Ошибка!

Что-то во всем этом было от нехорошей открывшейся тайны. Что-то позорное. Что лучше скрывать. Просто катастрофа на меня обрушилась ни с того ни с сего. И катастрофа укреплялась в сокрушенном сознании как непоправимая. Суки, вы мне что написали, вы что со мной сделали?..

Мой лучший друг и сосед по парте Серега Фомин сильно взволновался. Мы дружили с детского сада, все друг другу рассказывали, играли и ходили вместе, и ему совершенно не хотелось, чтобы друг оказался вдруг нерусский. Это было бы как-то неправильно и плохо.

— Ты у родителей спроси? — сказал и потом напомнил он. — Может, так и есть? Ты узнай!

— Да вранье это все, — как можно тверже и спокойней уверил я.

— Да я тоже думаю, что просто ошиблась она! — поддерживал Серега. — Не может быть.

До конца уроков я сидел оглушенный. Меня никто не дразнил, никто ничего не напоминал, все было нормально. Но ощущалась в этой нормальности какая-то нарочитость, скрываемая напряженностью в том, как на меня смотрели, как разговаривали. Вроде не хотели что-то задевать.

С сознанием отдельным от меня, я вернулся домой, постучал в квартиру, открыл своим ключом дверь в нашу комнату, разделся и стал думать. Положение мое было загадочным и ужасным и требовало разрешения. О национальностях в нашей семье никогда не говорили. Вообще. (По крайней мере я не слышал.) В памяти обнаружились какие-то непонятные слова, которые говорила иногда маме бабушка, когда мы были в отпуске в Каменец-Подольске. Я запомнил слово «готыне», но смысла его не знал.

Очевидно, тогда впервые во мне проявилась логичность и последовательность аналитического мышления. В очень простом виде и верном направлении. От сильного эмоционального импульса. Стресс как запуск процесса познания.

Я подумал, что если я и правда еврей — то должен от русских чем-то отличаться. Иначе как Валентина Кузьминична могла узнать, что я еврей?

Никаких бытовых отличий не могло мыслиться: мы все жили совершенно одинаково, как я упомянул. Одежда, разговор, привычки — мы все были абсолютно же «единообразны».

Следовательно, должно быть какое-то отличие во мне самом — физическое отличие. Я встал перед зеркалом и принялся себя исследовать, начиная с пальцев ног. Методично и с волнением добрался вверх до макушки и никаких отличий не обнаружил. А тем более когда одет. Половина мальчиков носила серую школьную форму: гимнастерку под широкий черный ремень и такие же брюки: я тоже. Другая половина — вельветовые куртки, коричневые или черные. И все подшивали белые воротнички.

Тогда я установил зеркало на столе, сел перед ним и начал детальнее изучать то, что торчало над воротничком.

Всех нас заставляли стричься под ноль. Форма моей головы мне никогда не нравилась. Какая-то она была некруглая. Слегка вытянутая, затылок слегка квадратный, а макушка на треугольник. Не то что у Витьки Мясникова — ровный красивый шар. Но в принципе голова терпимая. Вон у Кибали вообще тянута назад, как стамеска. А у Обуха бугристая, как посадка картошки.

На лице был нос, рот, подбородок и глаза. С бровями и ресницами. Сверху лоб, по бокам уши. Всё как у всех. Никаких отличий.

Я не имел национальных примет ни одной национальности. Мама моя была золотоволосой сероглазой красавицей с точеным профилем. Папа чрезвычайно походил на молодого Василия Сталина.

С сердцем, замирающим перед тайным открытием, я искал разгадку. Должен же быть какой-то ответ!

И в результате все-таки обнаружил. Зрачки у меня были почти во весь этот цветной кружочек посередине глаза. А когда я старательно припомнил, у всех в классе были зрачки довольно узкие, под яркими лампами, а хоть и днем под солнцем это было отлично видно.

Отличие было! Значит, у евреев большие зрачки.

Я понял, что я еврей, и сердце мое ухнуло в бездонную безнадежность.

...Пришли на обед родители. Первым делом я спросил, что такое еврей. Мама с папой переглянулись, и что-то открылось в этом переглядывании такое, что от меня скрывалось. И спросили, почему я спрашиваю. Я рассказал про журнал. Они опять переглянулись, и опять с каким-то смыслом. Слегка улыбнулись. И сказали, что евреи — это просто люди.

Стоп. А русские? А русские тоже просто люди. Люди бывают разные. Русские, евреи, украинцы, татары. Но они все одинаковые.

Что значит одинаковые?! А почему тогда разные?! Ну, потому что когда-то давно были разные народы. А теперь

в Советском Союзе народ один — советский. Мы все — советские. И все теперь одинаковые.

Стоп. Так мы — не русские? — Мы евреи. Но это совершенно не важно. Не имеет никакого значения. Все совершенно одинаковые.

А чем мы отличаемся? — Ничем не отличаемся.

А почему тогда мы не русские? — Просто потому, что есть разные названия.

Возникший ниоткуда и тайный кошмар состоялся как правда и сделался бесповоротен. Явилась некая необъяснимая и неотменимая невидимая черта, отделившая меня от всех остальных.

Я принял эту неразрешимую загадку как данность своей жизни. Загадка не имела ответа, и однако этот отсутствующий ответ был плохим, стыдным, позорным, и его следовало скрывать.

Утром мы встретились с Серегой внизу — мы жили в одном ДОСе, десятом, — чтобы идти в школу.

— Ну, ты у родителей спросил? — первым делом закричал он. Он еще вчера днем спрашивал, когда мы гуляли, но тогда я сказал, что не успел спросить, когда они на обед приходили.

— Спросил, — солидно и уверенно кивнул я, глядя в сторону.

— Ну, они что сказали?

— Русский, конечно.

— Ну я так и думал, — сказал Серега с облегчением. — Просто там она что-то в журнале напутала.

Больше мы к этой теме не возвращались.

2. Татарин

Как-то осенью Серега болел, я возвращался из школы один. По дороге, по пустой песчаной улице, встретил Муху, он неторопливо загребал навстречу во вторую смену. Муха — Мухин — учился на два класса старше и был знаменит в школе тем, что хорошо дрался. А вообще по жизни он был высокий, худой и спокойный, сам никого не зади-

рал. Он был из гражданских, у нас разделение на них и военных имело значение.

Муха остановился передо мной, посмотрел сверху вниз и спросил мирно:

— Ты что, еврей?

— Да, — выговорил я.

— А я татарин, — вздохнул Муха. Улыбнулся невесело и покровительственно и дальше пошел.

3. Израильтянин

Леня Урбан был храбрый, наглый и заводной. Он вот так прямо предлагал девочкам вместе снимать трусы. Он писал на заборах неприличные слова и меня наставлял. Он был на год старше и руководил.

Наши родители на отпуск приехали в санаторий Дарасун, а нас пристроили рядом в поселке. Дом почти пустовал, и хозяйка сдавала летом комнаты.

Среди прочих дел Леня заинтересовался моей фамилией. Я с умеренным возмущением отвечал, что конечно русский. Он велел спросить у родителей. Этот номер я уже проходил.

Назавтра я сказал, что спросил, а он спокойно сказал, что я вру. А когда я сказал, что не вру, он так же спокойно ответил, что, значит, мне соврали родители. Зачем им врать?! Они не хотят, чтобы ты знал. Он был старше, значительно крупнее и сильнее, и драться не представлялось возможным.

— Ты кто сам, Урбан?

— Я — русский.

— С чего взял? Чем докажешь?

— Я у родителей в паспорте смотрел. Там написано. Оба русские. И ты у своих посмотри. Ты смотрел?

— Где я здесь тебе возьму их паспорта?

— Ну домой когда приедете — тогда посмотри.

Через неделю, мы за дровами играли в ножички, Леня сказал:

— Я знаю, кто ты. Я узнал.

— Чего ты узнал?.. — Я, конечно, напрягся. Сжался внутри. Собрал все силы для спокойствия и равнодушного

отрицания. Как он мог узнать, где, от кого — я даже не задавался вопросом; да и некогда было думать.

— Ты — израильтянин! — весомо объявил Ленька.

Облегчение от того, что он не сказал еврей, и удивление от того, что при чем тут израильтянин, слились в праведную страсть:

— Че-воо?!

— Израильтянин, — убедительно повторил Ленька.

— Ты вообще, — сказал я.

Он назидательно покачал головой.

Слово «Израиль» я в принципе знал. В 1956 году агрессивная израильская военщина напала на мирный Египет. То есть ничего хорошего. Но я-то при чем?! Кто я и кто они?..

Это было какое-то политическое, географическое обвинение — косвенное и не такое опасное. Не знаю, как я стал догадываться, что в Израиле живут евреи, дома ничего подобного я не слышал. В воздухе обозначилось родство. То есть Ленька меня обвинял, но при этом щадил мое самолюбие. Слово «еврей» было неприличным, и в общем я его ничем не заслужил. Такой грязноватый удар Ленька немного смущался наносить. Но надо было дать мне понять, кто я такой.

Между нами ничего не изменилось, но наступило какое-то отдаление.

Драки

Дрался я редко, и все это были в классе середнячки, которые хотели самоутвердиться, а на бойцовых пацанов не замахивались. В четвертом классе Голобоков сказал, что «вообще ты еврей» и ждал, судя по лицу, что я его вызову после уроков драться. А что еще. Дело шло к лету, за школьным забором была танцплощадка в парке среди кустов, там всегда и дрались.

Голобоков был выше, но своими длинными руками он как-то по-деревенски размахивался аж из-за спины, и я ему навтыкал, но получалось не сильно, даже синяков не осталось.

Уже в восьмом классе, в другой школе другого города,

я точно так же дрался с Мартыном — Мартыновым, крупноватым, но слабватым середнячком. Он тоже озвучил, что еврей ему не нравится. И тоже выступил после уроков за туалетом как-то неуверенно. И тоже не то чтобы получил, но все решили, что победил точно я.

Раза три за школу мне вламывали, но это были обычные пацанские дела, не имевшие никакого отношения к национальному вопросу. И я пару раз камрадам разбивал носы — без обид.

Травля

Есть такой стереотип: евреев в детстве называют на всех углах жидами, бьют на улице и во дворе и портят жизнь разными способами. Не знаю. Лично не наблюдал, от знакомых конкретно не слышал, на себе не испытывал. Может потому, что в Забайкалье и на Дальнем Востоке не было такой традиции.

Нет, в паре школ, где я учился, возникал еще поначалу какой-нибудь мелкий насмешник, развлекатель класса, который кричал «жид, жид», или «еврей, еврей» — один еще посылал как дразнилку «полужидок»: видимо, метисизацией он разрешил для себя мой нетипичный, по его мнению, облик. Их невозможно было треснуть: они смеялись и юрко убегали, прыгая через парты; но зла в них не чувствовалось — они развлекались. Можно даже сказать — невинно развлекались. Драться после уроков отказывались — опять же с мелким веселым смехом. Класс внимал развлечению снисходительно и в общем их не поддерживал. Через неделю-другую им надоело, и они унимались. И я был своим: нормальным, как все.

И с этими ребятами потом отношения были совершенно нормальными. Более того, они вели себя скорее дружелюбно. Нет, не извинялись, разумеется, что за фигня, но словно чуть-чуть заглаживали прошлый инцидент.

Если ты никогда не плачешь, не ябедничаешь и не жалуешься, всегда даешь списать и даешь сдачи, никак не выпендриваешься, не жадничаешь и никогда не подхалимничаешь — то чего, собственно, тебя травить?